

Вечер.

Ли Пинъань, волоча ноги, вернулся в свою каморку. Он развязал пояс, задрал штанины — на груди и голених отчетливо виднелись шесть кровавых полос.

Стоило коснуться их пальцами, как от боли перехватило дыхание. Судя по состоянию ран, за три-пять дней они вряд ли заживут.

— Старый евнух бьет нещадно. Даже когда помещичьи волю лентяй, их не стегают с такой жестокостью...

Ли Пинъань и не догадывался, что во дворце евнухи ценятся даже меньше, чем рабочий скот. Они — лишь дышащие предметы, не более важные, чем столы, стулья, цветочные горшки или ночные вазы.

Сломался, разбился, сдох — купишь новый.

Цена одной скотины была равна стоимости трех-пяти человек.

Ближе к полуночи снаружи слышались тихие шаги. Сяо Чжунцзы и двое его товарищей наконец вернулись, каждый из них выглядел изможденным.

Ли Пинъань достал из-за пазухи три лепешки из белой муки. Он все это время согревал их своим теплом, и они еще не успели остыть:

— Господа евнухи, я припас для вас немного еды...

Сяо Фанцзы покачал головой:

— Мы не голодны.

Сяо Юаньцзы не особо жаловал лепешки, но все же улыбнулся, принимая угощение, и сложил руки в приветственном жесте:

— Сяо Аньцзы, спасибо за заботу.

Сяо Чжунцзы разломил лепешку, отщипнул кусочек, медленно прожевал и спросил:

— Ну как, каков первый день?

— Тяжело!

Ли Пинъань скривился:

— Изучать каноны — устает разум, учить правила — устает тело. Половины дня не прошло, а у меня уже несколько синяков.

— Мы все через это прошли. Неважно, как высоко ты сможешь подняться в будущем, но в начале пути, сразу после входа во дворец, никому не удастся избежать желтых бобов евнуха Сюя.

Сяо Чжунцзы сменил тон:

— Впрочем, не держи на него зла. В Управлении евнухов мало хороших людей, но евнух Сюй — один из них.

Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы согласно кивнули. Лишь после того, как начнешь здесь служить, начинаешь понимать, что евнух Сюй на самом деле неплох.

Ли Пинъань польстил им:

— Вы, господа, тоже люди с душой бодхисаттвы. Если бы меня распределили в другое место, неизвестно, сколько бы мне пришлось терпеть издевательств.

Сяо Фанцзы промолчал, а Сяо Юаньцзы прикрыл рот рукой и тихо рассмеялся.

Сяо Чжунцзы в шутку отчитал его:

— Правила учишь плохо, а льстить научился без учителей. Сходи на кухню, принеси древесного угля, я научу тебя способу, как лучше запоминать прочитанное.

Глаза Ли Пинъаня загорелись, он стремглав бросился на кухню и вскоре вернулся, бережно неся несколько черных угольков.

Сяо Чжунцзы зажал уголь в ладони, направил внутрь энергию ци, и его рука на мгновение раздулась, став размером с веер. Ладонь приобрела тусклый золотистый отблеск, словно была отлита из бронзы и железа.

Пара движений — и уголь превратился в два тонких угольных карандаша.

— Говорят, лучше один раз записать, чем сто раз услышать. Перепиши Канон Лотоса, а в свободную минуту доставай и читай. Прочитаешь тысячи раз — смысл откроется сам собой.

Ли Пинъань поспешно поклонился, благодаря за наставление, завернул карандаши в тряпицу и спрятал за пазуху.

Сяо Юаньцзы удивленно воскликнул:

— Ты что, довел Ладонь Могучего Алмаза до совершенства?

— Удалось совершить небольшой прорыв.

Сяо Чжунцзы ответил скромно, но уголки его губ поползли вверх, а на лице проступило самодовольство.

Сяо Юаньцзы с завистью произнес:

— С твоими знаниями и боевыми искусствами ты бы вполне мог служить в Управлении Церемониалов. Тогда бы нам пришлось называть тебя не иначе как господин Чжун.

Сяо Чжунцзы слегка покачал головой и с досадой ответил:

— В такие места, как Управление Церемониалов, без покровителей не попасть. Мне бы за счастье было оказаться в Управлении Печатей или Управлении надзора за евнухами.

Ли Пинъань слышал от Сяо Чжунцзы, что, хотя двенадцать управлений и считаются равными по рангу, их реальная власть сильно различается. А критерий оценки прост — как часто ты

можешь предстать перед очами императора.

Например, в высшем Управлении Церемониалов, обладающем правом накладывать красную резолюцию и хранить императорские печати, лик государя видят почти каждый день.

В средних Управлении Печатей и Управлении надзора за евнухами — раз в несколько дней.

Управление императорских нужд, где служат Сяо Чжунцзы и его товарищи, находится на среднем уровне, и они изредка видят императора.

А в самом худшем и тяжелом, Дирекции дворцовой стражи, императора почти не видят. Даже если случайно столкнешься, то остается только пасть ниц — поднять голову и показаться на глаза считается дерзостью.

Ли Пинъань начал осознавать: жизнь евнуха полностью зависит от милости императора.

На следующее утро Ли Пинъань проснулся рано и умылся водой из колодца.

Раньше он не придавал этому значения — в деревне никто не умывался, все ходили черные да чумазы, и никто никого не осуждал. Но вчера евнух Жун высмеял его, обозвав черным как уголь и вонючим как отхожее место.

Ли Пинъань с детства привык к обидным словам. Например, молодой господин из семьи Сунь любил кататься на лошадях, а точнее — не на лошадях, а на людях. За пол-лепешки грубого помола можно было полдня возить его на спине.

Чтобы выжить, человек готов стать вьючным животным, так что слова евнуха Жуна были сущим пустяком. Ли Пинъань не затаил обиды, но юношеское самолюбие заставило его запомнить этот момент.

Он оттер кожу докрасна, прополоскал рот — запах стал гораздо слабее. Затем набрал три таза воды и стал ждать, когда проснется Сяо Чжунцзы.

Отец и мать учили: получил добро — отплати тем же, только тогда отношения будут долгими. Старый ученый из деревни называл это... как же там?

Ли Пинъань сидел на краю кровати, пытаясь вспомнить текст секретного канона, но за ночь в памяти осталось лишь десятка полтора иероглифов.

— Нужно скорее переписать, а потом постоянно повторять, чтобы выучить наизусть...

Вскоре Сяо Чжунцзы и остальные проснулись. Увидев приготовленную воду, они одобрительно кивнули.

— Сяо Аньцзы, теперь вся грязная работа по комнате на тебе.

— Конечно-конечно!

Ли Пинъань усердно закивал. Носить воду и подметать пол — сущие пустяки, он был готов взять их на себя, даже не осознавая, что это делает его ниже остальных.

Сяо Фанцзы, вытирая лицо, вдруг бросил:

— А ведь глупый мальчишка, зато удачливый!

Ли Пинъань не понял, о чем это он, весело выплеснул воду и покорно поплелся следом на кухню.

После завтрака Ли Пинъань с набитым животом отправился в Зал Внутренних Боевых Искусств. Он сел на вчерашнее место и открыл Канон Лотоса.

Для неграмотного чтение — сущая каторга. Десяток иероглифов, которые приходится повторять снова и снова — это скучно и клонит в сон. Единственное, что заставляло Ли Пинъаня стараться — желание попасть на службу в Управление Императорской Кухни.

Ради лепешек из белой муки можно вытерпеть что угодно!

Евнух Жун пришел позже обычного. Он собирался пересесть, но, заметив чистое лицо Ли Пинъаня, хмыкнул и сел рядом.

— Неплохо, сегодня ты хотя бы похож на человека.

Ли Пинъань не обратил внимания на насмешку и, указывая на незнакомые иероглифы, спросил:

— Господин Жун, как читаются эти знаки?

— А-а... — Евнух Жун прищурился, наслаждаясь моментом: — Энергия ци течет по каналу Жэнь-май, кровь устремляется к заставе, точка Юй-чжэнь горит огнем, в таинственном истоке рождается холод.

— Благодарю за наставление, господин Жун.

— А-а... — Евнух Жун посмотрел на Ли Пинъаня с большей симпатией. Тот из простого знакомого превратился в потенциального младшего брата, а в будущем, когда он сам станет важным евнухом, его можно будет сделать крестным сыном.

Ли Пинъань нашел несколько листов бумаги и стал криво выводить иероглифы угольным карандашом.

Это было похоже не на письмо, а на заклинания — черточки и порядок были совершенно неверными, напоминая куриные лапки.

Евнух Жун, который до этого рассматривал Ли Пинъаня как своего будущего протеже, внезапно перевел взгляд на карандаш и сузил глаза.

— Сяо Аньцзы, откуда у тебя угольный карандаш?

Ли Пинъань ответил:

— Мы в хороших отношениях с господином Чжуном из моей каморки. Он сам сделал карандаш и учит меня, как заучивать канон.

— ...

Евнух Жун приподнял бровь, по-новому глядя на этого деревенщину. Всего два дня во дворце, а

уже научился использовать связи.

Может, это врожденная хитрость, а может, среда заставила. Хотя методы были наивными и шитыми белыми нитками — евнух Жун сразу понял, что никакой уважающий себя евнух не стал бы делить каморку с младшим евнухом, — но прогресс был поразительным.

— Тетушка была права... — пробормотал евнух Жун. — Это место — чернильница. Кто бы сюда ни попал, обязательно испачкается.

Ли Пинъань был поглощен выводением иероглифов и не расслышал:

— Вы что-то сказали, господин Жун?

В этот раз на лице евнуха Жуна не было удовольствия. Тон стал холодным и даже немного торжественным:

— Я сказал: раз уж у тебя, господин Ань, есть покровитель, то в будущем ты обязательно возвысишься. Не забудь тогда про меня.

Ли Пинъань впервые услышал, как его называли господином Анем, и в глубине души ощутил странное, сладкое удовольствие — даже приятнее, чем от лепешки из белой муки.

Подумав немного, он решил, что это, наверное, оттого, что он переел на завтрак и теперь не чувствует голода.

<http://bllate.org/book/18511/1779132>